

**ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1947 г.
ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ**

ЧУДНОВ Игорь Александрович - кандидат исторических наук (Кузбасский государственный технический университет).

В середине декабря 1997 г. в пылу политических баталий и социальных конфликтов незаметно исполнилось 50 лет денежной реформе 1947 г. Реакция населения на это событие почти не изучена. Восполнить пробел призваны недавно опубликованные архивные материалы. Они рисуют картину панического сброса денег москвичами в преддверии рестрикционной реформы [1]. Интересно проследить процесс формирования общественного мнения и поведения не только в столице, но и в провинции - в крупных урбанизированных регионах.

Сибирь никогда не относилась к благополучным территориям, и плюрализм мнений здесь выходил далеко за рамки официальной идеологии. На митинге в Томске ораторы радовались: "Наконец-то спекулянты забегали, чувствуя свою гибель. Пришел праздник и на нашу улицу!". Другие мнения звучали в соседнем Кузбассе: "Вновь изданное постановление дает возможность спекулянтам набивать карманы и жить лучше рабочих, а рабочим и шахтерам опять придется голодать!" Сейчас трудно определить в процентах и цифрах степень общественной поддержки или неприятия событий тех лет, т.к. "прикладной социологией" никто, кроме МГБ, не занимался. Отчетливо прослеживаются лишь некоторые тенденции. Первая - устойчивое недоверие и даже страх значительной части населения перед мероприятиями государства "на благо трудящихся". Вторая - количество недовольных обменом возрастает в регионах с высокими доходами. В Кузбассе на обменные пункты приносили по 100, а то и 200 тыс. руб.; только один район Сталинска (Новокузнецка) дал за день 16 декабря 33 млн. руб. Обмен в пунктах шел 10 к 1, и в адрес партии и правительства звучали отнюдь не здравицы. Другое дело в Томске: даже сумма в 20 тыс. - редкость. Обком не отметил фактов недовольства. Более того, у бедных студентов постановление вызвало "всеобщий восторг" и желание это постановление отметить: "жалко только цены на водку прежние" [2].

Пропаганда реформы выглядела привлекательно для "простого советского человека", который жил от зарплаты до зарплаты, а скромные сбережения хранил в сберкассе. Ему ничего не грозило: мелкие вклады до 3 тыс. обменивались 1:1. Ударить предполагалось по "паразитическим элементам" - спекулянтам. В Западной Сибири среднегодовой доход рабочего составлял около 11 тыс. руб., а средний вклад - 1,6 тыс. В Кузбассе один вклад приходился на 30 горожан, в Новосибирске - на 19. В сельских районах некоторые кассы вообще вкладов не имели. Состоятельные граждане и селяне предпочитали "кубышки" [3].

Мероприятия 1947 г. готовились в строгом секрете, но утечки информации избежать не удалось. Динамика вкладов населения России показывает, что она произошла даже раньше, чем предполагал министр финансов А.Г. Зверев [4]. Неясные слухи ходили по стране уже летом. В первом и втором кварталах сберкассы России работали в обычном режиме, сумма на вкладах стабильно росла на 509,6 и 547,8 млн.руб., соответственно. Слухи резко затормозили процесс, третий квартал дал рост только 95 млн. руб. Волнение усиливалось, и осенью, боясь конфискации, вкладчики снимают деньги и обращают их в товары и ценности. К концу ноября отрицательное сальдо достигло 442 млн. руб. В городах Сибири опустошались промтоварные магазины, закрывались барахолки и, из-за отсутствия товаров, ювелирные магазины. По Омску ходили противоречивые слухи, рефреном звучало: "Зачем сейчас деньги? Все равно могут лопнуть!" Цены на продукты поднялись на 30-100%. Ассортимент сибирских магазинов резко сужал возможность вложить деньги. Центр активности переместился в финансовые учреждения [5].

"Брожение умов" закончилось около 1 декабря. В регионы поступили секретные документы, и точные условия обмена стали наконец-то широко известны. Сначала в узком

кругу номенклатуры и "нужных" людей, а затем и всем заинтересованным. Привлекательность вкладов, особенно мелких, резко возросла. Начался штурм сберкасс. Наблюдались редкие тенденции - граждане пытались уплатить налоги и сборы вперед, а также бойко раскупали облигации госзаймов, план по которым был перевыполнен по региону в 1,5-2 раза [6]. Пик ажиотажа пришелся на 15 декабря. В этот день "...во всех отделениях Кемеровской области... имелся большой наплыв клиентов для сдачи денег в кассы любыми способами... Это своевременно пресекалось" [7]. Сложнее было пресечь бурную "теневую" деятельность вокруг обмена. Уже 16 декабря начался отток средств - изымали "короткие деньги", положенные за день-два для обмена. Впечатляет разница сальдо сберкасс России. Первая половина декабря - +1,98 млрд. руб., вторая --- 391 млн. руб. Государство не осталось внакладе, план по России был выполнен на 158,5% или дополнительно на 900 млн. руб. Сибирь отчиталась блестяще, значительно опередив Центр: Омская обл. на 272%, Алтай на 266% и т.д. [8].

Увеличение количества вкладов не всегда, особенно в городах, означало пропорциональное увеличение суммы. В Новосибирске количество стало больше на 23%, а денег - на 6%, в Кузбассе - 45% и 13,2%, соответственно [9]. Это было следствием дробления и быстрого возврата вкладов в период предреформенной лихорадки. Граждане так и не прониклись доверием к сберегательной системе и государству и просто стремились кто как мог амортизировать удар внезапной реформы.

Как и любое социально-экономическое начинание в стране, мероприятия 1947 г. обернулись массовыми злоупотреблениями. В Москву хлынул поток жалоб с мест. Возмущение выплескивалось на партсобраниях и даже митингах. В Новосибирске говорили о "крупных ворах, к стыду нашему - коммунистах, - потерявших совесть и даже уважение к себе, превратившихся в паразитов, бесстыдно запустивших в государственный карман свои грязные руки". Коммунисты Прокопьевска (Кемеровская обл.) просили тов. Сталина сохранить условия только для вкладов, поступивших до 1.12.1947. В большинстве махинаций были замешаны, используя свое служебное положение, чиновники разных уровней. Прокурор Омской области прямо отмечал: "Многие товарищи из советского и партийного аппарата считают до сих пор, что законы писаны не для них" [10].

Уже в декабре бюро обкомов начали рассматривать персональные дела. В 1947-1949 гг. только в Кузбассе за хищения, злоупотребления и растраты было исключено из партии более тысячи человек.

В сентябре 1946 г. были повышены пайковые цены. Ассортимент магазинов, торгующих по карточкам, был чрезвычайно скудным. Население заставляли покупать хлеб в коммерческой торговле. В Кемерове очереди достигали 200 чел. В Ленинске-Кузнецком шахтеры заявили, что введение новых цен неправильно, их фактически поддержали даже инструкторы райкома партии. "За что воевали, - спрашивал рабочий Е.М. Попов, - чтобы с нас драли последнюю шкуру. Пусть теперь попробуют воевать". Обком констатировал "проявления недовольства среди населения". Особое раздражение вызывали не столько понятные и объективные тогда трудности, сколько то, что были не для всех. С одной стороны, - пустые полки, очереди и рынок с "дикими" ценами. С другой, как читаем в справке: "...магазин "Спецторга", обслуживающий командный состав, имеет в продаже ассортимент... чисто, уютно, витрины оформлены..." [11].

Повышение цен обсуждали на новосибирских заводах, мнения почти совпали: "Цены на продукты повышены, зарплаты маленькие; хуже того, что шатаемся без дела, нет работы, жить надо, как же мы будем жить?" Часто, особенно в Кузбассе, обсуждения ценовой политики поднимались до смелых политических обобщений: "Когда-то Ленин писал, что рабочий за границей получает 30% за свой труд, так вот наш Сталин додумался забрать от рабочего все 100% его труда. Дал зарплату и тут же ее отобрал. Такого режима еще не было, это полное рабство" [12]. Чрезвычайно распространенным было мнение о неизбежности войны с США. В сибирских городах даже считали, что деньги от повышения цен и обмена нужны для "выкупа от войны с Америкой". Многим слушателям политпроса было непонятно, почему мы помогаем другим странам продовольствием, когда нам его самим не хватает.

Особенностью региона было наличие значительного количества заключенных, спецпереселенцев, ссыльных. Терять им было нечего, и настроены они были весьма радикально: "Раз сменяются деньги, должно смениться и правительство... культурные народы Англии и США не могут больше терпеть такую разруху..." "Только тогда Россия будет жить хорошо, когда не будет советской власти..." и т.п. Такие мнения доминировали

среди политически активной части спецконтингента. Основная масса была достаточно пассивна [13].

Высказывать подобные суждения на свободе по-прежнему было опасно: действовала и достаточно эффективно ст. 58.10. УК РСФСР. Однако существовал более безопасный способ выразить свое мнение. В декабре 1947 г. прошли выборы в местные Советы. Реформа, несомненно, повлияла на настроения избирателей. На каждом избирательном участке комиссии обнаруживали по 15-20 бюллетеней с надписями "контрреволюционного содержания". Короткие, но удивительно ёмкие, они почти совпадали в разных областях и городах. Сравним: в Сталинске: "Голодную, но голосую, следовательно еще больше буду голодать", "Сталин, война, крепостное право нового типа, голод", "За ярмо голосовать, оно и так надоело, провались все к чертовой матери!", "Хлеба, правды, свободы!". В Омске: "Сколько ни голосуй, а жизнь все хуже становится", "Долой соцсобственность, да здравствует частная!" и т.п. В Осинниках (Кемеровская обл.): "Сейчас рабство, а не свобода", нарисован гроб и подпись под ним: "Получайте 400 гр. и хлебайте вашу агитацию" и т.д. [14]. Особенно много отзывов избирателей вызвали последствия отмены карточной системы. В отличие от Москвы и Ленинграда, где за счет провинции были созданы "неснижаемые запасы" для свободной торговли, на периферии карточная система фактически возродилась вновь. Контраст между громкими политическими заявлениями и реальной жизнью был столь разителен, что недоверие к политическим институтам и выборам вполне объяснимо. "Каждый год выбираем, а жизнь не блещет. Вольную продажу сделали, а дороговизна как была, так и осталась; у кого были деньги, тот и будет брать, а то мы выбираем, а они боятся сказать, чтоб улучшили жизнь" - писал анонимный избиратель [15]. Были и другие, более оптимистические мнения, их с избытком публиковала печать тех лет. Информация о настроениях на местах регулярно поступала в ЦК ВКП(б). Использовалась ли она в процессе принятия решений, сказать трудно, хотя многие из них позже обосновывались "многочисленными просьбами трудящихся".

Реформа 1947 г. не могла быть безболезненной, и свою задачу с государственной точки зрения, она выполнила. Насколько эффективно - можно спорить. Многие проблемы, обозначенные тогда, сохранились надолго. Остался в общественном сознании страх перед любыми новациями в области финансов, убеждение в том, что любая реформа осуществляется в интересах государства и за счет населения.

ИСТОЧНИКИ

1. Денежная реформа 1947 г.: реакция населения // Отечественная история. 1997, № 6. С. 134—140.
2. Центр документации по новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 1. Л. 764. Лл. 4, 8, 13, 15; Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-75. Оп. 2. Д. 178. Лл. 72. 74: Д. 181.
3. ГАРФ. Ф. А.-472. Оп. 1. Д. 563. Лл. 15, 33; Д. 564. Лл. 27, 32, 171; Д. 586. Л. 1.
4. Знерев А.Г. Записки министра. М., 1973. С. 233, 235.
5. ГАРФ. Ф. А.-472. Оп. 1. Д. 563. Л. 8; Центр документации по новейшей истории Омской области (ЦДНННО). Ф. 17. Оп. 36. Д. 155. Лл. 1, 2, 3, 4.
6. ГАРФ. Ф. А.-472. Оп. 1. Д. 607. Л. 1; Д. 619. Л. 2. Д. 647. Л. 2.
7. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 178. Л. 69.
8. ГАРФ. Ф. А.-472. Оп. 1. Д. 563. Лл. 5,8; Д. 586. Л. 1; Д. 620. Л. Г, ГАКО, Ф. 408. Оп. 1. Д. 3. Л. 185.
9. ГАРФ. Ф. А.-472. Оп. 1. Д. 646. Л. 1. Д. 607. Л. 1. Д. 647. Л. 2.
10. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-62. Оп. 1. Д. 445. Л. 9; Ф. П-75. Оп. 2. Д. 178. Л. 74; ЦДНННО. Ф. 17. Оп. 37. Д. Ла. Л. 20.
11. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 358. Л. 17. Д. 60. Лл. 24, 30, 31, 38.
12. ГАКО. Ф. П-62. Оп. 1. Д. 358. Л. 5.; ГАКО. Ф. П-74. Оп. 6. Д. 127. Лл. 4, 5.
13. Там же. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 181. Л. 195.
14. Там же. Л. 91; Ф. П-74. Оп. 6. Д. 147. Л. 9; ЦДНННО. Ф. 17. Оп. 36. Д. 145. Л. 73.
15. ГАКО. Ф. 11-75. Оп. 2. Д. 181. Л. 91.